

В. Н. МИНЕЕВ
**«Волшебное
 кольцо»
 А. Платонова:
 литературная
 сказка или
 контаминация?**

Сборник «Волшебное кольцо» представляет собой последнее прижизненное издание А. Платонова и до сих пор является наименее изученным. Тексты «Волшебного кольца» включаются в сборники фольклорных сказок, публикуются наряду с народными без упоминания авторства писателя, воспринимаются исследователями как «пересказы народных сказок» (Л. Славин), «сказки-повести, сказки-рассказы» (В. П. Аникин); «переложения», «русские народные сказки А. Платонова» (В. Ю. Вьюгин), «русские сказки писателя» (Н. В. Корниенко), «интерпретации-пересказы» (М. Ю. Михеев), что указывает на присутствие диспута относительно того, принадлежат ли данные произведения к жанру литературной сказки или же являются контаминацией фольклорных текстов. Попытаемся ответить на этот вопрос на примере анализа текста, давшего название сборнику, и рассмотрим особенности сюжета, изображение героев и специфику языка.

Сказка А. Платонова «Волшебное кольцо»¹ соответствует сюжету 560 *Волшебное кольцо* по классификации Аарне — Андреева² и СУС³ и сказкам №7 *Мужик и царева дочь*, №8 *Опять мужик и царева дочь*

и №90 *Кольцо* А. И. Худякова⁴ [Х., 7: 46–48, 8: 48–49 и 90: 288–291]; №190, 191 *Волшебное кольцо*

сборника сказок А. Н. Афанасьева⁵ [Аф., 190: 2, 33–36 и 191: 36–44].

Сюжет довольно распространен, так текст *Кот, кобель и змея* опубликован в томе неизданных сказок Н. Е. Ончукова⁶; сказка *«Иван купецкий сын, кот, кобель и змея»*, записанная от А. М. Ганина, входит в сборник «Сказки Белозерского края»⁷, сказка по указанному сюжету №10 *«Золотое колечко»* вошла в книгу «Сказки, рассказы, песни Горьковской области»⁸, «Мартышка» и «Волшебное колечко» записаны от А. Корольковой [К., 141–152 и К., 1956, 33–39]⁹, известна также *«Сказка об Острионе-королевиче»* в записях XVIII века¹⁰ и т. д.

Зачин платоновской сказки, в котором автор дает представление о главных героях и времени действия, больше соответствовал бы началу бытового рассказа: *«Жила в деревне крестьянка. При ней жил сын ее Семен, неженатый еще. Жили они бедно: спали на соломе, одежонка на них старая, латаная и в рот им положить нечего»* [Пл., 427]. Сравним соответствующие фрагменты сказок из сборников А. Н. Афанасьева, А. И. Худякова и А. Корольковой: *«Жил-был*

сын с матерью; они бедно жили; умер отец, оставил им три денежки» [X., 8: 48]; *«В этих местах, в таких больших деревьях, жил мужичок не скудно, не богато, у него был сынок, и оставляет он сынку триста рублей денег...»* [Аф., 190: 2, 33]; *«В некотором царстве, в некотором государстве, не знаю где и в каком селе жил старик со старухой»* [К., 141].

Отметим в тексте А. Платонова отсутствие фрагмента повествования, обязательно в фольклорных сказках: не упоминается отец, хотя в фольклорных вариантах именно отец оставляет сыну в наследство деньги, на которые тот впоследствии выкупает животных-помощников.

Писатель, как и в других сказках сборника, старается сделать текст логически обоснованным и рационально мотивированным и вставляет реалистическое описание источника дохода главного героя: тот *«получал в городе пенсию за отца»* [Пл., 427]. И далее автор продолжает тему бедности, — сумма получаемой героем пенсии равняется *«копейке в месяц»*.

А. Платонов применяет прием деметафоризации и дефразеологизации. В то время как в фольклорной сказке рассказчики подчеркивали значимость платы за спасение животных размером суммы (*сто рублей — Аф., К.*) или называли *денежку* [X., 8: 48], А. Платонов превращает эпизод спасения щенка в инсценировку трансформированного фразеологизма «до (последней) копейки (истратить, отдать, получить и т. д.) — целиком, полностью, все (о деньгах)» [МАС, 2, 99]: *«Отдал Семен последнюю копейку...»* [Пл., 427]. В текстах А. И. Афанасьева и А. Корольковой обидчики животного чудесным образом знают, какой суммой обладает герой, и запрашивают ее: *«Хочешь, так сто рублей»* [Аф., 190: 2, 33]; *«А один шутя и говорит: сто рублей»* [К., 141]. Писатель заставляет своего Семена самого сразу предлагать все имеющиеся деньги: *«А ты продай мне его за копейку!»* [Пл., 427], как герой записи А. И. Худякова: *«Ей, говорит, не бейте, продайте мне, нате вам денежку!»*

[X., 8: 48]. Для писателя важна аллюзия к известному речевому обороту. Мы наблюдаем не контаминацию и не бессознательную взаимозаменяемость фрагментов фольклорных текстов, а тщательно продуманный отбор языковых средств из фольклорных источников и литературного языка.

Рассмотрим далее эпизод обретения кольца. У А. Платонова змея просит Семена проводить ее к отцу из-за того, что мать героя ее невзлюбила: *«ей не даст и воды не поставит, то на хвост наступит... Твоя мать обижает меня»* [Пл., 428]. В народных вариантах спасенная девушка превращается в змею и сразу вынуждает героя отнести ее к отцу в царство, а лягушка — в болото: *«Вот взяла эта лягушка повела его (сына-то) в болото и в яму привела; и сидит там старик старый»* [X., 8: 49]; *«Иди теперь за тридевять земель, в тридесятое государство — в подземельное царство; там мой батюшка царствует...»* [Аф., 191: 2, 38]; *«Обвила змея Мартына и говорит: — Неси теперь меня к моему отцу в подземное царство»* [К., 1956, 35].

В фольклорной волшебной сказке то, что просит герой, должно быть отдано без промедления: *«Царь тотчас снял кольцо, отдал Мартыну»* [Аф., 191: 2, 38]; *«Ты у него ничего не бери, только с руки перстень возьми»*. Он *взял перстень»* [X., 8: 49]. А. Платонов изображает сомнения: *«Задумался змеиный царь, а потом снял кольцо с руки и отдал»* [Пл., 429] — получается, что царь дает герою кольцо вследствие сделанного им выбора. А. Платонов придает этому эпизоду черты рассказа, так как выбора как такового у сказочных героев нет, и все происходит строго по канону.

Фольклорной сказке не нужны детали и подробности, присутствующие в тексте А. Платонова. Для рассказчиков и слушателей народной сказки уже очевидно, что герою будут предлагать награду. Змея в фольклорных сказках лишь констатирует факт предложения награды. А. Платонов же строит повествование по законам литературы, где все должно иметь логическое обос-

нование: *«Вот когда я скажу ему, как ты меня спас, он поблагодарит тебя и даст тебе много золота...»* [Пл., 428].

Обратимся к эпизоду чудесного получения достатка героем. В то время как в народных вариантах герои обеспечивают себя всем необходимым с помощью волшебства, не прилагая никаких собственных усилий: *«разыскал мать-старуху, и стали они вместе жить-поживать без всякой нужды и печали»* [Аф., 191: 2, 38]; *«перед ним хата новенькая, в хате тепло, уютно, а на столе хлеб, соль, разная бафская еда»* [К., 145]. Семен использует кольцо, только чтобы обеспечить себя и мать пищей и убедить ее идти к царю сватать царевну. Изначально герой получил с помощью кольца часть пропитания, а остальное достал собственным трудом; А. Платонов заставляет героя заниматься торговлей: *«Половину муки Семен продал и купил на все деньги говядины...»* [Пл., 429]. Прослеживается переключки с другими сказками, например, с «Иваном-чудо», где герой добивался своего большей частью своими собственными усилиями, даже имея в своих руках волшебный предмет: *«понял он, чего ничем нельзя одолеть, то можно одолеть работой»*; или с «Иваном — Бесталанным и Еленой Премудрой», где герой *«с хотеньем да с терпеньем»* смог противостоять волшебству.

Обратимся к рассмотрению особенностей поэтики героев «Волшебного кольца». Писатель превращает некоторых традиционно второстепенных героев, «помощников» и т. д. в полноценных, например, мать Семена: автор наделяет ее яркими характеристиками, которые раскрываются по ходу развития действия. Нарушается формула «сказано-сделано»: герой требует, чтобы мать отправилась сватать царевну, но получает отказ и вынужден прибегнуть к действию волшебного кольца, для того чтобы она выполнила просьбу. Это подчеркивает значимость героини, с мнением которой Семен должен считаться. А. Платонов заставляет главного героя совершать определенные действия под ее воздействием. Это означает,

что платоновская сказка получает дополнительное развитие.

Только у А. Платонова мать задается вопросом, откуда берется богатство, и герой должен ей ответить. Ответ этот приходит в форме очередного платоновского афоризма: *«Добро, мама, из добра явилось»* [Пл., 431]. Мать гонит собаку и кошку со двора, мотивируя это тем, что они *«только спят да едят! Какая от них польза!»* [Пл., 432]. Автору этот дополнительный эпизод нужен для развития ее характера. Интересно, что, получив от царя задание сыну построить хрустальный мост, героиня самостоятельно осмысливает полученную информацию и передает не слова царя, как принято в фольклорной сказке, а результаты своих размышлений и выражает свое недовольство: *«Понапрасну ходила, не согласны они»* [Пл., 432]. Высказывания матери Семена намного резче возражений героини народных сказок: *«Да разве можно крестьянскому сыну царевну любить? Цари-то — люди ложные и лукавые, они и насмеются и надругаются над тобой, и жизни тебя лишат, а уж дочь за тебя не выдадут!»* [Пл., 431]. Более того, в фольклорных сказках существует только одно наказание — казнь (или помещение в «каменный столб» и т. п. до определенного срока, после которого также следует казнь). Мать Семена боится, в первую очередь, того, что *«и насмеются и надругаются над ним»*, и сразу предлагает альтернативный вариант — женитьбу на крестьянке.

Царица у А. Платонова также играет значительную роль. Это она дает ответ матери Семена на просьбу отдать царевну в жены ее сыну (в народных версиях данный ответ дается царем). Согласие на замужество дочери также дает царица, а не царь. При чем соглашается она не потому, что Семен выполнил задание (строительство моста, таким образом, превращается в эпизод, который скорее является данью традиции, чем несет значимую смысловую нагрузку), а потому что плохо себя чувствует после поездки на «самосильной машине» и не в состоянии спорить.

В народных вариантах присутствует четкое разделение положительных и отрицательных героев; у А. Платонова мы наблюдаем сказочных персонажей, в характерах которых смешивается и плохое, и хорошее. Сравним реакцию матери фольклорных и платоновской сказок на просьбу главного героя посватать царскую дочь: мать героя отправляется к царю сразу после короткого возражения: «...*посылает он мать к царю невесту сватать. Пошла мать к царю*» [Х., 8: 49]; «*Дитя ты мое милое! Где нам брать царевну?*» [Аф., 190: 2, 34].

Жена героя в фольклорной сказке — изначально отрицательный персонаж: «...*но только ей был не в пондраву жених, что она царская дочь, а он мужик*» [Х., 7: 47]; «*стала думать, как бы его со света сжить...*» [Аф., 191: 2, 40]. У А. Платонова царевна предстает в образе простой крестьянской девушки. Ее мысли просты, незамысловаты и прямы; использует она исключительно просторечную лексику и разговорные обороты: «*Ой, кой-то, — подумала царевна, — Да он лучше Семена! Вот бы мне в женихи такого, когда я девкой была!*» [Пл., 434]. Жена Семена по сути не является отрицательным героем, скорее, она — герой пассивный, бесхарактерный. Ее выдают замуж, она пассивно воспринимает это событие, не пытается ничего самостоятельно изменить. Она не видит разницы между крестьянином и членом царской семьи и, встретив Аспида, сразу поддается его уговорам, пленившись яркой внешностью. Попытка Аспида в виде прекрасной девушки соблазнить Семена, в свою очередь, служит детализации описания главного героя: «*Ступай, куда шла. Хоть ты и хороша, даже лучше моей жены, да жена мне милее, за тобой я не пойду*» [Пл., 433].

Семен доверчив до наивности. Автор исключил из своего текста запрет на рассказ о свойствах кольца. Герой сам отдает кольцо жене (чего нет в народных вариантах): «*Раз жена меня любит, — подумал Семен, — пусть и о кольце моем знает, она мне зла не сделает*» [Пл., 434]. Как и в «Иване-чудо»,

А. Платонов строит оппозицию красоты нравственной и красоты физической. Главный герой выглядит отнюдь не привлекательным: «*У него сор на лице, ноздрями он пыль раздувает*» [Пл., 434], однако он не идет на предательство и «*по доброте*» рассказывает жене про свое кольцо.

Характеризует героя и его поведение, когда он приносит спасенных животных домой. Во всех фольклорных вариантах сказки мать героя выказывает недовольство покупкой животных, а в ответе героя имеется установка на получение в будущем того, что оправдает его усилия и трату средств: «*Э, мать родимая! Не тужи об деньгах, они нам когда-нибудь возвратятся*» [Аф., 190: 2, 33]. Иначе ведет себя платоновский Семен, когда его укоряет мать за то, что он принес домой щенка. Его высказывание тяготеет к афоризму: «*Ничего мама, — отвечает ей сын, — и щенок скотина, не мычит, так брешет*» [Пл., 427]. Герой не думает о получении каких-либо благ. В платоновской концепции строения мира все тесно взаимосвязано: человек и животные, мир живой и неживой природы, который есть совокупность вещества и энергии. Жизнь животного в мире А. Платонова имеет такую же ценность, как и жизнь человека. Приведем для примера одно высказывание: «*Узник может превратиться не только в другого человека, но и в черепаху, в кошку — в эти же людские существа. Черепаха на карачках — настоящий человек*»¹¹. Герою не важно, какими свойствами обладает спасенное им существо, важно лишь наличие у него жизни. Семен и змею покупает, потому что раньше таких змей не видел и предполагает, что она неядовитая: «*Не убивай ее, эта змея вишь какая, я и не видал такую — должно, она не ядовитая. Лучше продай ее мне*» [Пл., 428]. В фольклорной сказке разъяснений не требуется, речь о таких биологических характеристиках змеи, как ядовитость, не заходит. А. Платонов исходит из того, что каждый современный читатель воспринимает змею как опасное пресмыкающееся, а не как чудесное существо, обладающее мудростью,

имеющее связь с высшими силами, родственное огню и т.д., поэтому он заранее дает рациональную мотивировку покупке героем столь опасного существа. Далее А. Платонов обыгрывает фразеологизм — «*отогреть змею за пазухой*»¹² («*глядит, словно змея из-за пазухи*»¹³). Семен кладет змею именно «за пазуху», и змея начинает говорить с ним, только когда отогревается: «*Змея отогрелась и говорит...*» [Пл., 428]. А. Платонов берет «оболочку» фразеологизма и возвращает ему исключительно прямое, первоначальное значение, что свойственно всей прозе писателя в целом. Народные сказки показывают этот эпизод несколько иначе: «*красная девица ударилась оземь, обернулась змеею, вскочила доброму молодцу на грудь и обвилась кольцом вокруг его шеи*» [Аф., 191: 2, 38]; «*змея подползла к ногам и кинулась ему на шею, обвилась, спустила голову на грудь...*» [К., 144].

А. Платонов не только разносторонне характеризует традиционных персонажей фольклорной сказки, но и вводит в повествование новых, например, приемного сына змеиноного царя Аспида. С его помощью автор создает интригу, в которой Аспид оказывается обиженным родственником, мстящим остальным за проявленную по отношению к нему «несправедливость». В фольклорной сказке главное — запрет на рассказ о свойствах кольца и последующее нарушение этого запрета, вследствие чего жена героя освобождается от нежеланного супруга и убегает от него, А. Платонов строит семейную интригу и меняет расстановку сил, примешивая зависть обиженного родственника. Интересно, что А. Платонов в свою сказку вводит одновременно двух змеев, которые заменяют друг друга.

Некоторыми исследователями отмечается, что в платоновских сказках присутствуют все проявления чудесного¹⁴, присущие народной сказке. Рассмотрим эпизод превращения злодея Аспида в гадюку. Такого рода трансформации людей под воздействием внешних факторов имеют место и в «несказочной» прозе писателя, что обусловле-

но общим пониманием автором взаимоотношения человека и животных, которые, по его концепции, мало чем отличаются и могут трансформироваться друг в друга. Здесь уместно привести отрывок из рассказа «Мусорный ветер»: «*Утром собака, как нищенка, испуганно пришла в помойное место. Лихтенберг сразу понял, увидев эту собаку, что она — бывший человек, доведенный горем и нуждой до бессмысленности животного...*»¹⁵. По поводу этого превращения К. Баршт заметил, что в мире А. Платонова «человек, теряя свою функцию «мыслящего существа Вселенной», обрастает шерстью и деградирует в животное»¹⁶. В нашем случае превращение в гадюку обосновано злостью отрицательного героя.

Писатель также вводит элемент юмористического рассказа, с иронией изображает действия придворных, также использованием юмора отмечен эпизод, в котором мать Семена идет подпереть дверь «пустого» амбара: «*Пошла мать к амбару, тронула дверь, а дверь распахнулась, и мать Семена головой в муку так и упала*» [Пл., 429], а также эпизод со вторым приходом матери героя к царю: «*Стушила она на мост, на хрусталь на самый..., тут ветер подул на нее сзади, она присела от страха, да так и покатилась до самого царского крыльца*» [Пл., 3, 432]. Подобным образом в бытовых и сатирических сказках высмеиваются отрицательные герои, а в народных волшебных сказках данный элемент отсутствует. Включение этого эпизода можно частично объяснить стиранием у А. Платонова оппозиции «добро — зло» и нежеланием соблюдать жанровые каноны сказки в пользу выражения своих авторских идей и своего художественного замысла.

Важен язык «Волшебного кольца». Обращает на себя внимание не только использование А. Платоновым новых выражений (*самосильная машина*), но и употребление конкретной лексики (*штыри, крючья, дождевая труба*), слов, часто используемых автором во многих произведениях, в том числе с особым значением (*говядина*), метони-

мического переноса (*по хрустально, ступила она на мост, на хрусталь на самый*), метафоры (*лето составилось*). В сказке активно употребляются особые платоновские сочетания слов: «*всего маленькая*», «*темные дебри*», «*легла на покой*», «*жить сытно*», «*построен по доброте*», «*девка-царевна*», афоризмы, присущие всем художественным произведениям автора: «*и щенок скотина*», «*цари-то люди ложные*», «*добро... из добра явилось*», «*не женись на царевне — не будет счастья*», «*сказывать скоро, а идти далеко*», «*хоть и кошка, а сердце у нее верное*».

А. Платонов создал текст, который представляет собой пример не только нивелирования обрядовости сказки, но и редуцирования волшебного и чудесного. Вместо чудес А. Платонов вносит в свой текст подробные описания реалистического характера, представляет рациональные логические объяснения «сказочной реальности». А. Платонов разворачивает ряд персонажей, разрушая бинарную оппозицию «добро — зло», вводит «промежуточных» героев, которые не являются ни положительными, ни отрицательными, но при этом могут играть роль помощников, иметь яркие характеры и влиять на ход событий. Как и в других сказках сборника, писатель вносит определенную долю психологизма, элементы бытового рассказа. Персонажи даются в развитии, в отличие от статичных характеров фольклорной сказки. Их действия детерминированы переживаниями и субъективными жизненными установками, а не жесткой необходимостью, установленной жанром сказки. Герои А. Платонова получают право на сомнения и рассуждения, и все, что они делают, они делают осознанно и переживают все совершенное и совершаемое рядом. Акцент критиков на бессознательном характере работы А. Платонова над сказкой и сопоставление писателя с народными сказочниками мало согласуются с тем, что писатель в рецензии на сказки А. Толстого представил развернутую программу работы над фольклорным произведением. Главной задачей работы над текстом сказки А. Платонов считал «восстанов-

ление, воссоздание наилучшего коренного варианта»¹⁷. По теории Платонова, писатель должен выбрать лучший вариант сказки из существующих, дополнить его элементами других вариантов, а затем добавить «нечто свое». Писательский труд означает тщательный отбор — сюжетов, тем, образов, способов их выражения, — тем более у такого мастера, как А. Платонов. Автор активно использует сказочную форму для наполнения содержанием, разрабатываемым им на протяжении всего творчества; мотивы и образы, несущие в себе чисто авторские идеи и концепцию бытия. Таким образом, «Волшебное кольцо» представляет собой не контаминацию фрагментов и сюжетов фольклорных сказок, а самобытное художественное произведение, органичное всему творчеству писателя.

¹ Платонов А. П. Собрание сочинений: В 3-х т. / Сост. и примеч. В. А. Чалмаева. М.: Сов. Россия, 1985. Т. 3. С. 427–437 (далее сокращенно — Пл. с указанием страниц).

² Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

³ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

⁴ Худяков И. А. Великорусские сказки; Великорусские загадки. СПб., 2001 (далее сокращенно — Х. с указанием № текста и страниц).

⁵ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М., 1985 (далее сокращенно — Аф. с указанием № текста, тома и страниц).

⁶ Ончуков Н. Е. Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки) / РАН. Ин-т рус. лит. Подгот. текстов В. И. Жокулина. СПб., 2000. С. 221–224.

⁷ Сказки Белозерского края / Записали Б. М. и Ю. М. Соколовы / Сост. и коммент. Л. В. Федоровой. Архангельск, 1981. С. 236–238.

⁸ Сказки, рассказы, песни Горьковской области. Горький, 1956. С. 49–56.

⁹ Королькова А. Н. Русские народные сказки: Рассказаны А. Н. Корольковой. Записи Э. В. Померанцевой / Сост., отв. ред. и авт. вступит. ст. Э. В. Померанцева. М., 1969 (далее сокращенно — К. с указанием страниц); Королькова А. Н. Сказки. Воронеж, 1956 (далее К. 1956 с указанием страниц).

¹⁰ Старая погудка на новый лад: Русская сказка в изданиях XVIII века. СПб., 2003. С. 320–324.

¹¹ Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 154.

¹² Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1968. С. 305.

¹³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1981. Т. 1. С. 686.

¹⁴ Спиридонова И. А. Книга сказок А. Платонова «Волшебное кольцо» // Ровенко Н. В., Спиридонова И. А. Изучение литературной сказки в школе: Методич. рекомендации. Петрозаводск, 1999.

¹⁵ Мусорный ветер (1933–1934) // Платонов А. Повести. Рассказы. Из писем. Воронеж, 1982. С. 304.

¹⁶ Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб., 2000. С. 45.

¹⁷ Платонов А. П. Сказки русского народа // Огонек. 1947. №26. С. 24.